

Купина Н. А.
(Екатеринбург)

**Вербализованные идеи новейшего времени: актуальные тенденции
и опознавательные знаки советского идеологического кода**

«Словарь русского языка» предлагает следующее определение идеологии: «Система идей, представлений, понятий, выраженная в разных формах общественного сознания – философии, политике, праве, морали, искусстве, религии и отражающая коренные интересы классов, общественных групп» [Словарь русского языка. Т.2. 1981: 630]. Проведённое нами специальное исследование [Купина 1995] позволяет сделать вывод о целенаправленной идеологизации русского языка советского периода, планомерной политизации всех форм общественного сознания, а также о вытеснении отдельных семантических и мыслительных сфер за пределы советского мировоззрения (яркий пример – сфера религиозного). Глобальная идеологизация, фактически политизация, общественного сознания и языка (прежде всего – лексической семантики), прямая аксиологическая поляризация на базе «сквозных» бинарных оппозиций – всё это способствовало формированию словаря русского тоталитарного языка советского периода. Основной единицей тоталитарного языка стала идеологема, передающая определённую мировоззренческую установку, имеющую предписательный характер. Лежащие в основе ряда идеологем ложные суждения служили базой для развития мифов.

Воздейственность тоталитарного языка объясняется его системной организацией: блоки идеологем и мифологем, связанных между собой жесткими структурными отношениями, определяли набор догм и взаимоисключающих оценок. Институционально поддерживаемая идеологическая ортология вырабатывала нормы отбора и реализации идеологем, нормы конструирования идеологически правильных высказываний и текстов. Идеологическая

нормативность примитивизировала и в то же время облегчала действие механизмов коллективной идентичности. Максималистское неприятие «чужого», интерпретация его как неизменно «чуждого», «не нашего» определяло реализацию речеповеденческих стереотипов в ситуациях мировоззренческих конфликтов. Ограниченная возможность «перековки», то есть насильственного «перевоспитания», преобразования идейных взглядов [Толковый словарь русского языка Т.3: 139-140] инакомыслящего демонстрирует характер советской идеологической толерантности.

Перестройка, распад Советского Союза, формирование открытого общества способствовали обвальная деидеологизации русского языка [Ермакова 1997, Русский язык...1996, Складская 2001, Современный русский язык...2003 и др.], поддерживаемой многолетним отсутствием государственной языковой политики [Якубинский 1986]. Деидеологизация языка и общественного сознания имела ряд определённых последствий. Она привела к идеологической растерянности, идеологическому цинизму, идеологическому скептицизму. Идеологическая целостность, характеризующая тоталитарную культуру, уступила место идеологической неупорядоченности. Глобальная перестройка культурно-ценностных ориентиров, сопровождающаяся осмыслением новых реалий и идей, в том числе декларируемых западными демократиями, способствовала временному блокированию советской идеологической системы, которая продолжала обслуживать носителей коммунистического мировоззрения. В то же время общенациональная идеология перестала существовать. Новая Россия не стала наследницей советской идеологической доктрины, но и не предложила свою систему идей, понятных для народа и маркирующих направление развития страны. Не случайно в современном речевом употреблении отсутствует прилагательное свойства, «обозначающее признак предмета как постоянный атрибут» [Михайлова 1999: 61] и определяющее разновидность посттоталитарного общественного устройства России, ибо последнее в полной мере не соответствует ни буржуазному, ни демократическому, ни

индустриальному, ни постиндустриальному типу общества. Нельзя также точно подобрать прилагательные свойства для характеристики современного российского общественного сознания, деидеологизация которого затормозила формирование цельной коллективной гражданской идентичности. Процессы идентичности оказались погружёнными в ситуацию лингвоидеологического тупика, которая отличается отсутствием системы новейших вербально оформленных, национально значимых, востребованных идей. Не случайно в перечне, предложенном Д.А. Медведевым в период выборной кампании 2008 года, необходимых для развития страны опорных констант оказалась *идеология*, предполагающая вербализацию ключевых мировоззренческих идей и взглядов.

Анализ языкового существования рубежа веков [Гаспаров 1986], спроецированный на текущую языковую ситуацию, позволяет говорить о перестройке идеологического фонда современного русского языка. Выделим в общем виде тенденции, сопровождающие идеологическую перестройку.

1. Тенденция возрождения собственно национальных культурных ценностей и традиций активизирует отдельные подсистемы искусственно отодвинутых в пассивный запас идеологических конструктов, которые заново осваиваются общественным сознанием (например, лексика православной культуры). Обозначенная тенденция наталкивается на упрямство советских стереотипов. Столкновение русского и советского нередко имеет своим результатом подмену идей. Например, обладающие общими смысловыми долями идеи национальной независимости и патриотизма замещаются идеей национализма.
2. Наталкивающаяся на сопротивление тенденция заимствования инокультурных идейных ценностей оказывает влияние на цельность национальной идентичности, обостряет оппозицию «своё» – «чужое», активизирует идеологему врага.
3. Конкуренция аксиологической бинарности и аксиологического плюрализма, с одной стороны, стимулирует устойчивость

идеологического консерватизма, с другой стороны, приводит носителя русской культуры к идеологической растерянности, не позволяющей принимать «на веру» ту или иную систему ценностей.

4. Тенденция к прагматизации идеологической семантики, проявляющаяся, в частности, в приращениях типа 'выгодный', 'прибыльный', 'имеющий денежное выражение', влечёт за собой деэстетизацию идеологием, обуславливает формирование не свойственного русской ментальности идеологического прагматизма, поддерживает маргинализацию идеализма и идеологического романтизма.
5. Общественное неприятие идеологически направленных презентационных, в том числе театрализованных, сценарных образцов подталкивает возрождение суггестивных ритуализированных сценариев с ярко выраженной советской стилистикой (военный парад, съезд партий, всенародная поддержка политического лидера и его политики и др.).
6. Тенденция к вербализации и внедрению отдельных идеологически значимых смыслов с последующей их апробацией (например: *суверенная демократия, либеральная империя, энергетическая сверхдержава, сбережение народа*). Отмеченные и подобные блуждающие идеологемы не получают «всенародного отклика», не формируют «национальную идею».
7. Тенденция к вербализации системообразующих идеологием. Например, предложенная В.В. Путиным концепция *национальных проектов* [см. Чадаев 2006: 100-105], *план Путина*, ставший идеологическим стержнем агитационной выборной компании в Госдуму РФ, «семь И» кандидата в Президенты РФ Д.А. Медведева и др. Системообразующие идеологемы обнаруживают глубокий воздействующий потенциал. Последнее мотивирует обращение политических и общественных деятелей к советскому идеологическому коду (рецидив «болезни левизны»).

8. Тенденция к «левому повороту» способствует стиранию различий между политическими субъязыками. В речевой оборот возвращаются выступающие как опознавательные знаки советского идеологического кода единицы «фундаментального лексикона» [Добренко 1990]. Идеологические смыслы реализуются в готовом или трансформированном виде. Так, широкое распространение в собственно политической речи и текстах СМИ получили идеологемы *справедливости, мощи и величия, гордости, превосходства, исключительности, государственности, единения, руководящей роли партии, вождизма* (последняя трансформируется в идеологему *лидерства*). Событийно обусловленным оказывается употребление идеологем *угрозы, врага, холодной войны* и некоторых других. В границах данной тенденции может быть рассмотрена проявляющаяся в разных сферах «языкового существования» востребованность советских брендов и символов.
9. Тенденция к полному или частичному калькированию, проявляющаяся в собственно идеологическом, а также институциональном подражании. Ср., например, федеральный лозунг *Россия, вперед!* и региональный лозунг *Средний Урал, вперед!*; формирование детской организации «Юные гагаринцы» по типу пионерской; юношеской организации – по типу комсомола и др. (институциональное калькирование).
10. Тенденция к возрождению опорных идеологических схем. В этой связи можно говорить о возрождении свойственного тоталитарному мышлению темпорального схематизма.

Отмеченные тенденции выявляют актуальность советского идеологического кода в идеологическом строительстве новейшего времени.

Литература:

Гаспаров Б. М. Язык. Память. Образ. М., 1996.

Добренко Е. Фундаментальный лексикон: Литература позднего сталинизма // Новый мир. 1990. №2.

Ермакова О. П. Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слов // Русский язык / Под. ред. Е.Н. Ширяева. Орле, 1997.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь, 1995.

Михайлова О. А. Предложения с предикатами свойства (вариантные отношения) // Вариантные отношения в языке и тексте. Екатеринбург, 1993.

Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996.

Скляревская Г. Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2001 (6).

Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981-1984.

Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Толковый словарь русского языка: В 4 Т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935-1940.

Чадаев А. Путин. Его идеология. М., 2006.

Якубинский Л. П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.